

АЛЕКСАНДР ИНЕШИН

ДЕТИ ШЕСТОЙ РАСЫ

Пробужденные

Александр Инешин

Дети шестой расы.

Пробужденные

<https://litres.ru/74197532>

SelfPub; 2026

Аннотация

2050 год. Человечество задыхается в смоге мегаполисов, синтетических иллюзиях и тотальном цифровом контроле. Те, кто правит миром из тени, уверены: их власть абсолютна. Но у эволюции свои планы. В разных уголках планеты — от нью-йоркских трущоб и сибирской тайги до раскаленных песков Эмиратов — рождаются уникальные дети. Их называют шестой расой. Их эпифиз пробудился, открыв сверхспособности: исцелять смерть, управлять стихиями, читать истинные намерения и слышать голоса самой природы. Для теневого мирового правительства эти дети — угроза нулевого уровня, подлежащая немедленному уничтожению. По их следу уже отправлены безжалостные каратели. Но на защиту нового человечества встает древнее тайное общество «Спасителей», столетиями ждавшее этого часа в затерянном северном монастыре. Глобальная охота началась. Кто победит в жестокой схватке старого и нового миров? Выживут ли «Пробужденные»,

чтобы стать спасением для гибнущей планеты, или будут навсегда стерты с лица земли?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	46
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Инешин

Дети шестой расы.

Пробужденные

Глава 1

Год 2050-й не принёс человечеству ни прозрения, ни облегчения. Мир не просто катился в пропасть — он уже давно сорвался и теперь летел в неё, жалко цепляясь за острые выступы собственных пороков. Москва, Париж, Рим, Пекин... Мегалополисы задыхались и медленно умирали.

Задыхался и Нью-Йорк. Небо над городом затянуло тяжёлым, маслянистым смогом, который разъедал лёгкие и оседал на стёклах небоскрёбов противной серой коркой.

В этом хаосе, где человеческая жизнь обесценилась до стоимости патрона или глотка фильтрованной воды, белая стерильная палата родильного отделения на Манхэттене казалась насмешкой. Воздух здесь был кондиционированным,

мёртвым. Но в последние полчаса он начал неуловимо меняться. Врач-акушер, уставший мужчина с тёмными кругами под глазами, раздражённо хмурился под медицинской маской. Мониторы жизнеобеспечения у кровати роженицы пищали всё реже. В палате отчётливо запахло озоном — резко, пугающе свежо, как после удара молнии в открытом поле.

Женщина на койке была бледна. Её кожа стала почти прозрачной. Сквозь неё просвечивала паутина синих вен. Тонкие, побелевшие пальцы судорожно комкали простыню. Женщина уже не кричала, а лишь негромко стонала. С каждым едва заметным выдохом она отдавала последние капли тепла, последнюю искру жизненной энергии тому, кто сейчас издал первый, пронзительно чистый крик.

Врач замер, дыхание перехватило. Его пальцы, принимающие младенца, внезапно пробила странная дрожь — словно он голыми руками коснулся оголённого провода с малым током.

Малыш кричал. И с каждым его яростным, жадным вдохом сердце матери замедляло свой ритм. Это не было обычной медицинской патологией, врач чувствовал это. Она уходила в темноту осознанно, добровольно перекачивая свою

жизнь в это маленькое тело. Зелёная кривая на мониторе дрогнула в последний раз, пискнула и вытянулась в ровную, непрерывную линию. Врач держал на руках сироту. Мужчина почему-то не мог отвести взгляд от его пронзительных, слишком осмысленных для новорождённого глаз. Казалось, что в этих глазах заключена вся мудрость веков.

Дрожащими руками врач снял с плеча ребёнка биопробу прибором, похожим на пистолет, — клеточный отпечаток для городских биосканеров. Протокол.

Панорамное окно сотого этажа башни Вейл-Корп открывало вид на серый город. Люциус Вейл стоял у стекла, опираясь сухими руками на трость с серебряным набалдашником. В свои восемьдесят он сохранил хищную прямогу осанки. Идеально скроенный костюм сидел на нём как вторая кожа, а в выцветших глазах мерцал холодный, расчётливый ум человека, привыкшего менять карту мира до завтрака.

На краю тяжёлого дубового стола стояла старая фотография в простой рамке: молодой мужчина в полевой куртке, с тем же упрямым взглядом. Пыль с неё Люциус никогда не смахивал — как будто боялся стереть последние следы живо-

го. На запястье старика, когда рука чуть приподняла трость, мелькнул бледный шрам.

Позади, небрежно развалившись в кресле, сидел Эдвард. Тридцатилетний наследник империи лениво покачивал в руке стакан с выдержанным виски.

— Мы должны быть готовы каждую секунду, Эдвард, — не оборачиваясь, произнёс Люциус.

Его голос был тихим, но заполнял собой весь огромный кабинет.

— Они могут появиться где угодно. В этой грязи под нами или в соседнем пентхаусе.

Эдвард раздражённо вздохнул и закатил глаза.

— Снова эти сказки про конец эпохи, дед? Сотни лет наши предки сидели в таких же креслах и ждали мифического

перехода. Ничего не происходило. С чего ты взял, что этот эволюционный скачок случится именно сейчас? Мы контролируем всё. Биометрию, банки, правительства. Чего тебе ещё надо?

Люциус сжал набалдашник трости так, что костяшки пальцев побелели. Взгляд на миг скользнул к рамке на столе.

— Твой отец погиб, защищая наши интересы от того, что ты высокомерно называешь сказками. Он отдал жизнь, чтобы ты мог и дальше сидеть в этом проклятом кресле!

Эдвард презрительно скривил губы, глядя на золотистую жидкость в стакане.

— Мой отец был глупцом. И погиб он в какой-то дыре именно потому, что фанатично верил во всю эту эзотерическую ересь. Гонялся за призраками вместо того, чтобы заниматься реальными активами. Я не собираюсь повторять его ошибок.

Люциус медленно повернулся. Трость гулко стукнула по полу.

— Потому что ты слеп в своей самоуверенности! — резко бросил старик. — Ты забыл о главном. С самого начала времён каждый человек на земле обладает скрытым потенциалом. Способностью чувствовать тоньше, видеть дальше, слышать то, что скрыто. Шишковидная железа. Эпифиз!

— Я читал семейные архивы, — усмехнулся внук, сделал глоток и продолжил издевательским тоном. — Декарт называл её «вместилищем души»... Железа в центре мозга... Когда-то она была огромной, а в последние тысячелетия совсем усохла... Вот именно! Усохла! Мы переросли это. Природа сама нас обезопасила.

Люциус подошёл ближе, нависнув над внуком.

— Обезопасила? А дети? С рождения их эпифиз размером со спелую вишню! Природа жестока и прагматична. В период взросления тело начинает бурно вырабатывать гормоны выживания, социальной агрессии и размножения. Да,

этот орган уменьшается, обрастает солями кальция, камнеет. Становится бесполезным. Именно поэтому ни ты, ни я не помним ничего из того, что происходило с нами до шести лет!

Эдвард нахмурился, ставя стакан на стол.

— Чушь. Я прекрасно помню, как разбил коленку в три года у фонтана.

Старик сухо рассмеялся.

— Это обман твоего избалованного мозга. Ты помнишь фотографию и рассказы матери. Ты проецируешь их, выдавая за собственные воспоминания. Это сам эпифиз стирает память о себе. Стирает, потому что до шести лет мы можем гораздо больше. Мы не всемогущи, но уже обладаем некоторыми сверхспособностями.

— Классическая детская амнезия, — пренебрежительно бросил внук. — Дети просто дети, дед. Не делай из них бо-

гов. Мы потратили миллиарды на внедрение системы мгновенного определения аномалий, распознавания лиц и прочей ерунды. И зачем?! Кого мы ловим?

— Выйди на улицу и посмотри на них! — голос Люциуса сорвался на властный рык. — Ты замечал, как долго дети могут смотреть в пустой угол и улыбаться кому-то невидимому? Как они чувствуют фальшь в твоём голосе, даже если ты натянул улыбку? Как они влияют на настроение целой толпы? Это и есть те самые задатки сверхспособностей! Искры шестой расы. Мы утрачиваем их с возрастом.

Люциус отвернулся к окну. Пальцы на долю секунды коснулись рамки на столе — жест короткий, почти невидимый.

— Ты спрашиваешь, почему сейчас, Эдвард. Ответь мне: что, если первые представители этого нового человечества уже появились на земле? Что, если они прямо сейчас дышат с нами одним отравленным воздухом? Что, если родились дети, чей эпифиз не уснет, пройдя рубеж взросления, а раскроется на полную мощь?

Он повернул голову, и холод в глазах стал острее.

— Наши аналитики давно твердили одно и то же: природа не умеет ждать. Старые формы уступают новым не по героическим битвам, а потому что новые лучше приспособлены. Шестая раса не станет биться с нами в судах и парламентах. Она просто перерастёт систему, как однажды человек разумный перерос тех, кто был до него. Все, что мы имеем и чем управляем, — всё это перестанет иметь цену.

Люциус повысил голос совсем чуть-чуть, но кабинет будто сузился.

— Поэтому мы и встроили планету в клетку слежки. Поэтому каждый такой ребёнок — угроза нулевого уровня. Никаких лабораторий. Никаких переговоров. Найти. Уничтожить. Пока они не успели понять, что умеют.

Узкие улицы финансового квартала Нью-Йорка были заполнены потоками клерков в цветных респираторах. Они суетились, сновали от здания к зданию, обменивались бумаж-

ными документами и файлами через специальные устройства хранения.

Чуть в стороне жизнь текла совсем иначе. В сырой подворотне, пропахшей мочой и гнилой капустой, брел грузный белый мужчина в рваном пальто. Следом за ним, то и дело спотыкаясь, семенил шестилетний мальчишка. Худой, перепачканный сажей, с огромными впалыми глазами, в которых отражались стальные клинки небоскрёбов. В руках они волокли тяжёлые мешки с помойным уловом.

— Шевели ногами, кусок дерьма! — злобно прохрипел отец и больно дёрнул парня за рукав. — Копы скоро начнут зачистку, а нам ещё половину контейнеров облупливать. Жрать хочешь — иди быстрее, иначе сдохнешь на этой помойке!

Мальчик не заплакал. Он только сжал тонкие губы и прибавил шаг. Боль в плече отозвалась привычной тупой волной — почти знакомой, почти домашней. Он чувствовал ложь и пустоту, но принимал — так отец скрывал свою боль.

Дышать было тяжело, едкий воздух драл горло. И всё рав-

но взгляд упрямо отрывался от земли и устремлялся вверх. Ему казалось, что там, за мутными тучами, обязательно должно быть чисто и тепло.

Вдруг откуда-то сверху камнем рухнула птица. Она со звонким хрустом ударилась о стекло высотки и упала прямо под ноги мальчику. Мёртвая. С неестественно вывернутой шеей. Одно крыло раскинулось, второе поджалось, будто птица всё ещё пыталась укрыться.

Мальчик замер. Он больше не слышал грубой брани отца. Гул мегаполиса исчез, словно кто-то выдернул шнур питания. Ребёнок медленно опустился на колени. Сначала просто посмотрел. Потом, не понимая зачем, протянул руки. Ладони дрожали, но легли на перья бережно, почти стыдливо — так, будто он боялся сделать больно даже мёртвому.

Птица была ещё теплой, но пустой. Под пальцами не билось ничего. Воздух вокруг будто сгустился, стал тяжёлым и звонким. Внутри головы щёлкнул невидимый рубильник.

Сначала пришёл жар. Не с улицы — из-под кожи, из запя-

ствий, из костей пальцев. Ладони покалывало, будто по ним пробежали тысячи тонких игл. В нос ударил знакомый чистый запах, как после грозы. Сердце загудело так громко, что мальчику показалось: оно стучит прямо в грудную клетку птицы.

Тепло ушло из его рук. Он сам стал легче и слабее, как будто что-то важное вытекало через кожу. Под ладонями шевельнулось первое крошечное изменение: кости хрустнули, будто кто-то осторожно складывал сломанную веточку обратно. Перья дрогнули. Остывшая кровь снова толкнулась по тонким сосудам. Птичий глаз, мутный секунду назад, наполнился жизнью.

Яркий голубой свет вспыхнул у мальчика перед глазами и погас.

Птица вздрогнула, слабо пискнула и ударила крыльями по его грязным пальцам. Мгновение — и она взмыла в серое небо.

Мальчик в ужасе отшатнулся и упал прямо в лужу. Ладони всё ещё слабо светились голубоватым. В горле пересохло. Он

осознал это не разумом, а звериным чутьём: он только что вернул мёртвое к жизни.

Мальчик закричал, вскочил на ноги и бросился прочь по мрачному переулку.

Но цифровые глаза Нью-Йорка всё видели. Уличные скамеры мгновенно зафиксировали аномальный всплеск энергии. Красный маркер тревоги вспыхнул на закрытых экранах тех, кто привык считать эту планету своей собственностью.

В этот самый момент Люциус Вейл и его внук Эдвард, спорившие на сотом этаже, получили сигнал. Первое подтверждённое пробуждение. Смертельный механизм, дремавший десятилетиями, был запущен.

— Цель нулевого уровня. Живым не брать. Сектор локализовать, — глухо отчеканил в коммуникации командир штурмовой группы, когда бронефургоны уже резали лужи финансового квартала. — Биопрофиль совпал с архивной пробой из роддома. Мальчик. Один. Не дать уйти.

Они не обсуждали философию. Для людей Вейлов всё уже было решено раньше: новый вид не оставляют. Его стирают, пока он ещё ребёнок и ещё боится собственной силы.

На поиск точного места у системы и её хозяев ушло чуть больше получаса. Тяжёлые ботинки уже чеканили шаг к одному из тысяч заброшенных подвалов. Туда, где трясся от страха сбежавший мальчик. Тот самый, потерявший когда-то в стерильной палате мать — и обретший жизнь, которую теперь решили отнять.

Убежище бездомных находилось в старом кирпичном доме. Здесь пахло ржавчиной, дешёвым алкоголем и безнадёжностью. Мальчик забился в самый тёмный угол за нагромождением картонных коробок. Почти час он дрожал, обхватив колени руками, и старался дышать как можно тише.

Шаги раздались внезапно. Дверь подвала не скрипнула — её просто высадили одним мощным ударом. Внутрь скользнули две высокие фигуры в чёрных тактических костюмах. На их лицах мерцали зелёные огни тепловизоров.

Отец мальчика лежал на грязном матрасе. Он был мертвецки пьян. После смерти жены каждый его день завершался

одинаково. Один из карателей подошёл к мужчине и брезгливо толкнул ботинком.

— Где пацан? — глухо прозвучал голос штурмовика сквозь респиратор.

Отец лишь невнятно замычал, пуская слюну и пытаясь отмахнуться. Каратель не стал повторять вопрос. Раздался тихий, сухой хлопок оружия с глушителем. Тело на матрасе дёрнулось и затихло навсегда.

Мальчик зажал рот ладонями, чтобы не закричать. Здесь, а не под ударами и руганью, слёзы наконец прорвались. Они обжигали грязные щёки. Отец был жестоким и пустым — но это всё равно был отец. Инстинкт выживания внутри кричал громче горя. Ребёнок скользнул в вентиляционную дыру за ящиками, протиснулся сквозь ржавую решётку и вывалился на тёмную, залитую дождём улицу.

Он бежал изо всех сил. Ноги скользили по мокрому асфальту. Сзади слышался лязг открываемой решётки. Его заметили. Охота началась.

Вдруг из-за угла с визгом шин вылетел чёрный внедорожник. Машина резко затормозила, отрезая путь. Водительская дверь распахнулась, сильная рука схватила ребёнка за куртку и рывком закинула в салон.

Мальчик начал отчаянно кусаться и бить кулаками. За рулём сидел крупный бородатый мужчина. Широкие мешковатые штаны, толстая золотая цепь, копна дредов. Типичный представитель криминального района — если не смотреть слишком внимательно. На зеркале заднего вида едва заметно покачивалась маленькая потемневшая иконка в металлическом окладе.

— Успокойся, парень! Убьют ведь, — рыкнул водитель, вдавливая педаль газа и придерживая мальчика одной рукой. Во внедорожнике мелькнул лёгкий чужой акцент, который человек, видно, привык прятать. — Не бойся меня. Я не из тех.

— Ты кто такой?! Пусти! — кричал мальчик.

— Я пришёл за тобой, — мужчина бросил быстрый, цепкий взгляд. — Я священник. Нам нужно убраться отсюда.

— Какой ещё священник? — недоверчиво фыркнул мальчик.

Мужчина отпустил его. Не глядя, открыл бардачок. Там, среди документов, всяких мелочей и потёртой обложки молитвослова, лежала помятая фотография. Он бросил её на колени ребёнку.

— Беру с собой, чтобы не забывать, кто я под этой маской, — коротко сказал он. — Ну и ты посмотришь.

На снимке был этот же человек. Только вместо дредов — длинные волосы, аккуратно стянутые в хвост. Вместо цепи — серебряный крест на строгой одежде. Позади него возвышались деревянные купола старого храма, укрытые снегом.

— Мы готовились к твоему появлению, пророчества не

лгали, — продолжил мужчина. — Наши люди перехватывают те же сигналы, что и они, только мы отвечаем иначе. Слава Богу, мне вовремя сообщили. Я едва не опоздал. Если хочешь жить — доверься мне.

Мальчик посмотрел на фото, потом на спокойное, сосредоточенное лицо водителя. В груди стало теплее. Тот самый внутренний голос, который помог оживить птицу, сейчас подсказывал: этому можно верить. Но боль и страх не отпускали. В голове всё ещё крутились подвал, выстрел, отец, крылья, свет на ладонях.

Долгожданная тишина так и не наступила. Заднее стекло внедорожника разлетелось вдребезги. Салон наполнился холодным ветром и свистом пуль. Мальчик с криком рухнул на пол и закрыл голову руками. Из темноты переулка выскочили два чёрных бронированных фургона. Они шли на таран.

— Держись! — крикнул священник и резко крутанул руль.

Почти беззвучно, одними губами, он успел сорвать с язы-

ка короткое:

— Господи, помилуй...

Тяжёлая машина сорвалась в занос. Из-под колёс брызнули искры. Внедорожник вылетел на встречную. Началась сумасшедшая гонка. Улицы Нью-Йорка слились в серую линию. Дождь хлестал по лобовому стеклу. Чёрные фургоны не отставали. Из их окон высунулись стволы. Пули барабанили по кузову.

Священник жал на газ так, будто улицы были его приходом, а погоня — службой, которую нельзя сорвать. Внедорожник пронёсся сквозь узкую пешеходную. Мусорные контейнеры разлетались в щепки. Один фургон не вписался в поворот, врезался в кирпичную стену и вспыхнул оранжевым пламенем. Второй висел на хвосте.

Священник выхватил из-под сиденья пистолет. Не глядя, высунул руку в разбитое окно и дважды выстрелил. Покрышка лопнула. Фургон занесло, перевернуло, разметало по перекрёстку грудой металла. Священник тяжело выдох-

нул, бросил дымящийся пистолет на панель и крепче перехватил руль. Иконка на зеркале стукнулась о стекло и снова зависла.

Машина долго петляла, запутывая следы. Наконец они выехали к закрытому портовому терминалу. Внедорожник спрятали в ржавый ангар. Священник и мальчик быстро прыгнули на борт старого грузового корабля. Вскоре судно медленно отчалило от берегов Америки.

Океан мерно дышал, раскачивая старый сухогруз. В тускло освещённой каюте пахло мазутом. Мальчик сидел на узкой койке, кутаясь в колючее одеяло. Страх уступил место тягучей усталости.

— Куда мы плывём? — тихо спросил он.

Священник тяжело вздохнул, снимая с себя золотую цепь. Под ней на шее остался тонкий шнурок с маленьким крестом.

— В одно безопасное место, парень. Очень далеко отсюда, — ответил он низким, размеренным голосом, в котором теперь яснее проступал привычный склад речи. — Там большой дом. Вокруг густой лес. Плохие люди туда не доберутся.

Он пододвинул табуретку ближе к койке, отпил из металлической кружки и посмотрел мальчику прямо в глаза.

— Там живут мои друзья. Мы называем себя «Спасителями».

Мальчик тихонько хихикнул, шмыгнув носом.

— Да, звучит немного как в комиксах, — улыбнулся священник, разводя руками. — Уж прости, название придумали задолго до нас.

— А кто там? Тоже священники с пистолетами?

— Разные люди. Те, кто решил объединиться, чтобы защищать таких, как ты. Господь велит спасать души — и не позволять убивать невинных.

— От кого защищать? — голос мальчика дрогнул. — От тех людей?

— И от них тоже.

Мужчина подался вперёд. Лицо стало серьёзным, взгляд тёплым.

— То, что ты сделал с птицей... это чудо. Ты не плохой. Ты особенный. В тебе есть свет и сила, которая может лечить. Есть злые дяди, которые очень боятся таких светлых ребят, как ты. Боятся, что, когда вы вырастаете, им больше не удастся обижать людей. Поэтому они вас ищут. А мы ждали вас. Не один год и не в одном городе. Мы тебя в обиду не дадим.

Мальчик долго смотрел на бородатого гиганта, а потом робко улыбнулся.

— Я Лиам, — сказал он и протянул маленькую грязную ладошку.

— Я отец Даниил, — ответил священник на этот раз по-русски и, бережно пожав его руку, улыбнулся в ответ.

Сухогруз медленно разрезал тяжёлые волны Атлантики. В иллюминатор крошечной каюты бился холодный дождь, смывая остатки нью-йоркской копоты. Лиам, свернувшись калачиком, впервые за свою короткую жизнь уснул не только от изнеможения, но и чувствуя, что за спиной есть стена. Отец Даниил сидел рядом, вслушиваясь в мерный гул двигателей. Он достал из кармана старые деревянные чётки и тихо, почти беззвучно, зашевелил губами.

Где-то далеко позади, на вершине небоскрёба, аналитики семьи Вейлов уже разбирали первый провал, переписывали протоколы и будили спящие ячейки по всей планете. Охота перестала быть односторонней. И пока старый корабль упрямо шёл на восток, сквозь надвигающийся шторм, на другом конце света — в туманных предгорьях Китая, в сибирской тайге, в сердце Рильских гор Болгарии, в знойной африканской саванне и на раскалённых песках Эмиратов — просыпались другие искры. Эпифизы детей вспыхивали один за другим. Час шестой расы пробил. Война за будущее челове-

чества началась.

Глава 2

Мало кто мог предугадать, что такое вообще возможно. Что пройдет каких-нибудь двадцать-тридцать лет, и мир изменится до неузнаваемости. Потому что происходило все медленно. Сначала сказали, что пороки — это не так уж плохо. Люди в большинстве своем пропустили все мимо себя: «Я же не такой. Что мне до других?». А потом отравление души и тела стало нормой. По такому же нехитрому принципу было разрушено все, что имело смысл.

Когда пришло время опомниться, оказалось слишком поздно. Корпорации, подобные Вейл-Корп, не захватывали власть с оружием в руках. Они просто купили долги государств, взяли под контроль воду, воздух и информацию. Свобода воли сжалась до выбора марки респиратора. Мир не сгорел в ядерной вспышке — он сгнил заживо под успокаивающее мерцание экранов.

Отец Даниил сидел в полумраке каюты и слушал ровное дыхание Лиамы. Старый сухогруз пробивался сквозь ночной шторм. Священник перебирал деревянные четки, и каждый узел отзывался в памяти эхом его собственного прошлого. Он прекрасно понимал этого перепуганного мальчишку, по-

тому что когда-то сам был таким же загнанным зверем. Только его личный ад находился за тысячи километров от Манхэттена — в холодном, бетонном городке в России.

Тогда его звали просто Ванька. Это сильно позднее при постриге в монахи он откажется от мирской жизни и получит новое имя — Даниил, в честь пророка Даниила. А в детстве он — малолетний беспризорник, часть уличной стаи «Ржавых». Они воровали еду со складов, дрались заточками за место на теплотрассе. Город был жестоким механизмом, перемалывающим слабых. В свои десять лет Ванька умел виртуозно лгать, бить исподтишка и исчезать от полицейских.

Все рухнуло в одну ночь. «Ржавые» вскрыли не тот контейнер. Вместо продуктов там оказались какие-то ампулы с неизвестным веществом. Патруль без опознавательных знаков на одежде накрыл их прямо на месте. Главаря, пятнадцатилетнего парня по кличке Шрам, застрелили в упор. Остальных начали забивать дубинками. Ванька тогда не думал. Сработал животный инстинкт. Он нырнул под ноги охраннику, получил скользящий удар шокером в плечо, прокусил чье-то запястье и бросился в непроглядную темень дренажной трубы.

Он бежал, пока не стер в кровь ноги. Бежал туда, куда уличные боялись соваться. В мертвую, заснеженную тайгу,

которая окружала город глухой стеной. Лес встретил его колючим ветром и абсолютной, пугающей тишиной. Мальчишка продержался трое суток. Он прятался под корнями поваленных сосен, жевал горькую смолу, чтобы заглушить спазмы в желудке. Мороз пробирался под грязную куртку, вытягивая последние крохи тепла.

На четвертую ночь Ванька просто сел в сугроб. Боль ушла. Навалилась сладкая, обманчивая дремота. Он закрыл глаза, готовясь уснуть навсегда. Хруст снега заставил его проснуться. Из белой мглы выплыли два силуэта. Это были высокие фигуры в длинных черных одеждах. Бороды покрыл иней. Один из мужчин наклонился. Его глаза, удивительно светлые и спокойные, смотрели прямо в душу.

— Вставай, отрок. Не время тебе замерзать, — голос прозвучал тихо, но Ванька услышал его сквозь завывание ветра.

Крепкие руки подхватили его невесомое тело. Больше он ничего не помнил. Очнулся мальчик от запаха горячего хлеба и талого воска. Он лежал на чистой постели в бревенчатой келье. Рядом, у печи, сидел старик с седой бородой до пояса и вырезал что-то из дерева.

— Где я? — прохрипел Ванька. Горло саднило.

— Дома, — просто ответил старик. — Меня зовут отец

Серафим. А ты теперь в нашем монастыре.

— Зачем я вам? Я вор. Меня ищут, — Ванька попытался сесть, ожидая подвоха.

- Мы скрыты от глаз мира глушилками, лесом и Божьей милостью. — произнес Серафим, отложил нож и подошел к кровати. — Мир болен, сынок. И болезнь эта заходит слишком далеко. Скоро придут те, кто изменит порядок вещей. Мы — те, кто готовится защищать их. Но чтобы стать щитом, нужно выковать себя заново.

Ванька остался.

Тайный монастырь оказался не просто обителью молитвы. Это был тренировочный лагерь «Спасителей» — древнего общества, который адаптировался к цифровой эре. Монахи учили беглеца не только Священному Писанию. Годами он осваивал рукопашный бой на заснеженных полянах, учился стрелять из винтовки, обходить биометрические сканеры и взламывать полицейские частоты.

— Твоя ярость — это инструмент, Ваня, — говорил Серафим во время спарринга, легко уходя от удара взрослеющего юноши и опрокидывая его на деревянный пол. — Но пока она управляет тобой, ты слаб. Стань пустым сосудом. Впусти тишину. Только в тишине можно услышать, как загорается новая искра.

Ваня учился. Он часами сидел в ледяной воде таежной реки, успокаивая сердцебиение. Он очищал свой разум от грязи улиц. Его ненависть к корпорациям трансформировалась в холодную, расчетливую решимость. Он учил языки, читал книги. Он днями напролет изучал искусство выживания не только в современном мире и суровой тайге, но и в духовном пространстве. К тридцати годам он принял постриг, взяв в руки и крест, и пистолет. Вскоре он стал лучшим спасителем Общества.

Резкий крен судна вырвал отца Даниила из воспоминаний. Кружка съехала по столу. Лиам заворочался во сне, но не проснулся. Священник поправил одеяло на плечах мальчика.

— Спи, Лиам, — прошептал он, глядя в темный иллюминатор. — Завтра мы будем далеко.

Философия «Спасителей» никогда не сводилась к банальному ожиданию конца света и покорному чтению псалмов. Они верили, что эволюция духа неотделима от развития разума и тела. Монастырь лишь снаружи казался пережитком прошлого. Под массивными деревянными половицами скрывались километры оптоволокну, а в глубоких подвалах гудели серверные стойки, охлаждаемые водами подземной

реки.

— Мы не карающий меч, Ваня. Мы — колыбель, — часто повторял отец Серафим, вышагивая между рядами мерцающих мониторов, где потоки данных перехватывались со спутников корпораций. — Мир обрушился в бездну не из-за торжества зла. Он рухнул из-за человеческой лени.

Тренировки изматывали, стирали границы между физической болью и духовным трансом. В перерывах между многочасовыми молитвами послушники изучали криптографию, генную инженерию и тактику ведения городского боя. Общество четко понимало: чтобы сломать систему, нужно знать ее алгоритмы лучше, чем ее создатели.

Спасители учились быть призраками в мире, где каждый шаг фиксировался камерами, а каждый вздох — датчиками биохимического анализа.

— Вспомни историю, — говорил Серафим, усаживаясь напротив Вани в библиотеке. — Двадцатые годы этого века. Люди еще пытались бороться. Улицы Парижа, Берлина, Москвы полыхали. Толпы требовали вернуть им право на частную жизнь, они ломали вышки связи, протестовали против слежки и обязательных цифровых профилей. Они верили, что могут отстоять свою свободу на баррикадах.

Старик тяжело вздыхал, поглаживая седую бороду.

— Но корпорации оказались хитрее правительств. Они не стали давить бунты танками. Зачем? Они просто предложили комфорт в момент наивысшего отчаяния.

К тридцатым годам экологический кризис достиг пика. Дышать стало невозможно. Вода превратилась в яд. И тогда элиты милостиво предоставили системы фильтрации и синтетическую еду. Условие было лишь одно — полная прозрачность личности. Хочешь чистый глоток воздуха? Сдай биометрию. Хочешь кусок мяса? Подключи свой профиль к единой сети. Люди сами выстроились в очереди, чтобы надеть на себя ошейники. Они променяли свободу на иллюзию безопасности.

Даниил вспоминал эти уроки во время своих первых самостоятельных вылазок. Теория жестоко сталкивалась с реальностью. К 2050 году от старого мира осталась лишь тень.

Во время одной из миссий в Шанхае он поразился этой стерильной, удушающей идеальности нового рабства. Границ государств как таковых больше не существовало. Наций — тоже. Были только уровни социального допуска. Он забредал в самые темные углы мегаполиса. Там, в вечном полу-

мраке, разорванном лишь неоновой рекламой, копошилась основная биомасса человечества. Люди жили в тесных капсулах-сотах. Они дышали тяжелым, переработанным смогом и работали по шестнадцать часов на заводах. Их единственной наградой была подписка на виртуальные развлечения и антидепрессанты. Даниил видел пустые, стеклянные глаза рабочих. Система выкачивала из них жизнь.

А высоко над ними, за плотной пеленой облаков, сияли шпили корпоративных башен. Там элита дышала чистейшим озоном и пила настоящую воду из талых ледников Антарктиды.

Человечество окончательно раскололось на два вида: богов из стекла и стали и безвольное стадо, привязанное к единой сети потребления. И именно в этой мертвой реальности начали рождаться они. Дети шестой расы. Живые, непредсказуемые сбои в идеальном коде. Для Вейл-Корп и их партнеров эти малыши стали угрозой нулевого уровня. Они были вирусом, способным обрушить систему, построенную на страхе и тотальном контроле. Но для Общества Спасителей каждый такой ребенок был искрой. Единственным шансом планеты на перерождение.

Сухогруз тяжело зарылся носом в очередную свинцовую волну. Металлические ребра корабля натужно закрипели,

возвращая Даниила из прошлого в темную каюту. Он отпустил деревянные четки.

Завтра они достигнут перевалочной базы на Азорских островах, но расслабляться было слишком рано. Система никогда не прощала тех, кто крал ее собственность. А Лиам, мирно спящий под колючим одеялом, теперь был самой ценной добычей в этом гниющем мире.

Священник прикрыл глаза, вслушиваясь в завывание ветра, и мысленно потянулся к той самой внутренней тишине, которой его учил Серафим.

Но тишина разорвалась с оглушительным треском. Старый сухогруз содрогнулся так, словно на полном ходу столкнулся с подводной скалой. Мощная ударная волна сбила Даниила с ног, отбросив к стальной перегородке. Металл жалобно заскрежетал, в воздухе мгновенно запахло гарью. Лيام с криком вылетел из-под колючего одеяла, но сильные, привыкшие к мгновенной реакции руки священника успели перехватить мальчика в воздухе.

Первая ракета пробила верхнюю палубу, превратив радиорубку в пылающий кратер. Даниил мгновенно оценил ситуацию. Это не шторм и не случайная мина. Их нашли. Он рывком поднял мальчика на ноги, свободной рукой хватая

тяжелый пистолет со стола. В коридоре уже тревожно мигал тусклый аварийный свет.

Сквозь вой сирены пробивался нарастающий, хищный гул лодочных моторов. Черные катера словно пиявки присосались к ржавым бортам. На палубу посыпались фигуры в черных тактических костюмах из матового полимера. Они двигались с пугающей, механической слаженностью. Никаких предупредительных выстрелов. Никаких команд в мегафон. Они просто начали методичную зачистку.

Даниил и Лиам замерли в тени узкого коридора, когда мимо пробежали двое матросов. Один из них, совсем еще юноша, попытался поднять руки, открывая рот то ли для мольбы, то ли для вопроса. Сухой хлопок оборвал его на полуслове. Тело мешком рухнуло на пол. Второго убили выстрелом в затылок, даже не сбавляя шага. Каратели шли безмолвно, как ангелы смерти, стирая любую органическую жизнь на своем пути.

На капитанском мостике грузный, потный капитан отползал в угол, дрожащими руками закрывая голову. В помещение вошел командир штурмовой группы. Зеленые окуляры тепловизора бездушно уставились на старика. Капитан, глотая слезы, вскочил и закричал, срывая голос:

- Не стреляйте! Я ничего не знал! Они сами пробрались на борт! Мужчина и пацан, они в нижней каюте сектора С, я все покажу...

Штурмовик даже не изменил позы. Короткая вспышка — и капитан безвольно осел на приборную панель. Командир поднес руку к шлему, активируя встроенную рацию. Сквозь треск помех прозвучал холодный голос:

- Цели в секторе С. Ликвидировать.

В это же самое время, за тысячи миль от бушующей Атлантики, в башне Вейл-Корп тоже было по-настоящему жарко. Люциус Вейл нервно расхаживал перед огромным экраном. На нем красными точками отображались тепловые сигналы на сухогрузе. Старик не опирался на трость — он отбросил ее в сторону. Его выцветшие глаза теперь горели лихорадочным, почти дьявольским огнем. Тонкие губы растянулись в хищной улыбке, обнажая идеальные керамические зубы. Он жадно глотал элитный коньяк прямо из бутылки, бормоча проклятия и молитвы своему собственному, цифровому богу.

В кабинет бесшумно вошел Эдвард и замер у порога. Он ожидал увидеть деда холодным стратегом, но перед ним был безумец, упивающийся далекой бойней. Эдвард посмотрел

на экран, где красные точки одна за другой гасли, превращаясь в серый пепел. Он молча развернулся и вышел.

На сухогрузе время сжалось в тугую пружину. Камер здесь не было, и это давало Даниилу крошечное преимущество. Священник тянул Лиам за собой, уходя все глубже в чрево корабля, к машинному отделению. Там, среди грохочущих поршней и переплетения горячих труб, можно было на время скрыться от тепловизоров. Воздух пропитался удушливым запахом мазута. Из-за угла вынырнул черный силуэт. Даниил не стал стрелять — громкий звук сразу выдал бы их позицию. Он скользнул вперед с грацией таежного хищника. Резкий удар ребром ладони на шее, подсечка, и когда каратель начал падать, священник мягко опустил его на пол.

- Господи, прости мне грехи мои вольные и невольные, — одними губами прошептал Даниил, переступая обезвреженного карателя.

Лиам бежал следом. Мальчик не плакал. В его огромных глазах отражался недетский ужас, смешанный с тем самым необъяснимым светом, который так пугал корпорации.

Даниил прижал Лиам к огромному резервуару с водой.

- Жди здесь. Стой тихо, — приказал он.

В помещение вошли трое. Их подствольные фонари резали густую тьму. Даниил выдохнул, полностью очищая разум, как когда-то учил отец Серафим. Он вынырнул из тени. Первая пуля пробила ногу штурмовика. Второй успел развернуться, но Даниил уже был рядом. Он перехватил ствол вражеского карабина, выкрутил его и нанес удар коленом в грудь наемника.

В пылу схватки монах не заметил третьего. Штурмовик уже вскинул оружие, целясь в священника. Лиам увидел это. Времени на крик не оставалось. Внутри мальчика снова щелкнул тот самый невидимый рубильник. Он инстинктивно выбросил руку вперед. Тяжелый стальной разводной ключ, лежавший на решетчатом полу в трех метрах от него, с диким лязгом взмыл в воздух и с невероятной скоростью врезался прямо в шлем карателя. Тот пошатнулся, выстрел ушел в потолок, пробив трубу с кипятком. Горячий пар с шипением ударил в лицо нападавшему. Священник бросил удивленный взгляд на Лиаму, быстро перекрестился и схватил его за руку.

Они ринулись на нижнюю палубу, где Даниил еще при посадке приметил старую спасательную шлюпку с ручным спуском и простым мотором. Никакой электроники. Никаких маячков.

Они выскочили на открытый воздух. Темноту ночи освещал огонь, полыхавший на палубе. Даниил ударил рукояткой пистолета по заржавевшему замку лебедки. Механизм со скрипом поддался. Шлюпка начала медленно опускаться к бушующим черным волнам. С верхней палубы раздались крики — их заметили. Сноп искр брызнул от металлического борта лодки, пули забарабанили по стальной обшивке.

- Прыгай! — крикнул Даниил, подталкивая мальчика.

Лиам сорвался вниз, приземлившись на жесткие скамьи шлюпки. Даниил прыгнул следом, прямо в полете стреляя в заклинивший трос. Лодка с тяжелым плеском рухнула в ледяную воду. Священник рванул шнур стартера. Мотор чихнул, закашлялся, но завелся. Вода вокруг лодки вскипала от пуль. Лиам кричал, в ужасе зажав уши руками. Даниил навалился на румпель, направляя шлюпку в спасительную темноту ночи.

- Господи, спаси и сохрани! Помилуй нас, грешных, и укрой своей дланью! — голос священника перекрывал рев шторма и треск выстрелов.

В этот момент огненный шар разорвал стальное брюхо корабля, осветив океан зловещим оранжевым светом. Ударная

волна чуть не перевернула маленькую лодку, в которой сидели отец Даниил и Лиам. Священник крепко держал руль, глядя, как пылающий гигант медленно уходит под воду, навсегда забирая с собой тела невинных и убийц.

Вскоре все стихло. Остался только тяжелый шум океанских волн и ровное тарахтение старого мотора. Отец Даниил поднял голову, уверенно отыскивая Полярную звезду. Лиам, дрожа от пронизывающего холода и пережитого кошмара, прижался к его боку. Они мчались в темноту.

Тем временем за двенадцать тысяч километров от Атлантики, в окутанном плотным смогом Пекине, система зафиксировала еще одну аномалию. Пятилетняя Жень сидела на корточках в узком пыльном двореке, упираясь спиной в ствол иссохшего баньяна. Живых деревьев в мегаполисах давно не осталось — лишь такие почерневшие памятники прошлой эпохи. Вокруг гудели вентиляторы гигантских очистных установок.

Вдруг из-под асфальта у самых корней вылез крупный черный жук. Он замер, повел усами, а затем быстро застучал жесткими лапками по сухой коре. Жень вздрогнула. В ее голове этот ритмичный стук и легкое щекотание внезапно сложились в отчетливую мысль: «Опасно. Земля дрожит».

Девочка резко оглянулась, думая, что кто-то шепчет ей прямо на ухо. Но в сером переулке никого не было. Она испуганно вжалась в мертвое дерево, сердце забилося. Жук снова застучал, и Жень осознала: голос исходит от него. Это было невероятно, жутко, но она не убежала. Затаив дыхание, девочка подалась вперед и прислушалась. В следующую секунду невидимую плотину в ее сознании прорвало. Мир, который до этого момента был немым, заговорил.

В глазах вспыхнул голубой свет и в этот самый момент она слышала всё. Она слышала, как глубоко под асфальтом стонут иссохшие корни, умоляя о капле влаги. Как старая бездомная собака вдалеке не просто скулит, а устало жалуется на ноющую боль. Маленькая, хрупкая Жень с двумя хвостиками на голове слышала не звуки, а саму суть, чистый смысл всего живого.

Но этот едва пробивающийся из-под земли голос природы внезапно сменился нарастающей паникой. Тысячи муравьев и жуков внизу забили тревогу в унисон: «Чужаки. Холод. Смерть».

В переулке скользнули безмолвные тени в черных тактических костюмах. Охотники нашли новую цель. Жень зазмурилась, а природа вокруг, почуяв угрозу своему новому проводнику, напряглась, готовясь ответить обидчикам в

ПОЛНЫЙ ГОЛОС.

Глава 3

Пекин был одним из тех городов, которые, несмотря на толстый слой пыли и смога, сумели сохранить осколки истории и древней культуры.

Бетонные трущобы, смердящие переулки и многоуровневые рынки соседствовали со стеклянными небоскрёбами и причудливыми лянтинами, чьи изогнутые крыши теперь покрывала чёрная копоть. Здесь ещё можно было встретить скульптуру золотого дракона с облупившимися боками или Будду с опущенными веками, будто он намеренно отказывался смотреть на умирающий мир вокруг.

Жень сидела в старом пыльном дворике, сжавшись от страха возле большого дерева. Вокруг для неё все говорило, шептало, кричало... Но сквозь множество голосов внезапно пробился один, самый старый и тяжёлый.

- Не бойся.
- Кто ты? – прошептала Жень и открыла глаза.
- Я был здесь до домов. До дорог. До людей, которые проложили под землёй трубы и заставили воздух гудеть. Я помню воду. Помню птиц. Помню, как солнце доходило до корней.

Голос дерева был слабым. Каждое слово будто отрывалось от него вместе с маленьким кусочком жизни.

- Они идут, — предупредил баньян. — Люди. Они несут смерть.

Жень посмотрела на единственный вход во дворик. Там появилась тень. Сначала одна. Потом вторая. Третья. Мужчины в матовых тактических костюмах бесшумно вошли между бетонными стенами. Лица закрывали респираторы. Один из них поднял ладонь, и остальные остановились.

— Цель в секторе семь, — доложил наёмник в рацию. — Визуальное подтверждение. Девочка, около пяти лет.

Жень медленно поднялась. Колени дрожали, но плакать она не собиралась. Мама говорила, что смелые люди тоже боятся. Просто они не показывают страх тем, кто хочет причинить им вред. Именно в этот момент Жень вспомнила всё самое доброе, хорошее, что было в её столь непродолжительной жизни. И в первую очередь она вспомнила маму. Её тёплые руки, её едва заметную улыбку и её убаюкивающий голос. Полгода назад смерть забрала всё это у Жень — мама умерла от рака лёгких, как и многие другие взрослые.

Наёмники начали сближаться.

Баньян зашептал:

- Корни не могут помочь. Но маленькие могут. Попроси их.

- Кого? – не шевеля губами, ответила Жень.

- Всех, кто ещё помнит землю.

Жень опустила взгляд. У её ноги двигалась тонкая цепочка муравьёв.

- Помогите мне, - подумала Жень.

- Мы маленькие, — ответили муравьи. — Мы кусаем. Мы щекочем. Мы забираемся внутрь.

- Этого хватит.

Жень закрыла глаза.

Тысячи муравьёв ринулись из трещин. Они быстро поднялись по ботинкам наёмников, забрались под штанины и респираторы. Из отверстий в стенах посыпались жуки. Они липли к перчаткам, ползли по шее и заползали под воротники.

Один из бойцов резко дёрнул головой.

— Что за...

Он сорвал респиратор и начал бить себя по лицу. Второй

выругался и выпустил очередь в землю. Третий попятился, споткнулся о бетонный выступ и рухнул на колено.

В хаосе Жень проскользнула в щель между ржавыми контейнерами. Она была маленькой и лёгкой, поэтому смогла протиснуться туда, где взрослый человек застрял бы. За стеной её уже ждали новые тени.

— Перекрыть северный проход.

— Она уходит.

— Биодатчик показывает движение. Камеры на линии.

Жень побежала.

Она мчалась по узким переулкам, скользила на грязи и перепрыгивала через разорванные кабели. Вокруг гнили горы мусора. Из открытых окон свисали старые фильтры, на стенах мигали рекламные панели с лицами улыбающихся людей и предложениями купить новые респираторы.

На каждом перекрёстке её уже встречали.

Из-за угла выскакивали бойцы. Камеры поворачивались на шарнирах. В воздухе жужжали крошечные дроны. Громкоговорители требовали остановиться, но Жень не понимала слов. Она слышала только холодный, лишённый жизни при-

каз.

Жень свернула в проход, где между домами протянулись бельевые верёвки. Один из дронов заметил её и послал вниз луч сканера. Девочка юркнула под железную тележку, задержала дыхание и дождалась, пока машина пролетит дальше.

Потом снова побежала. Она была напугана, но не плакала.

А под улицами города в это время двигались другие люди.

Они бежали по канализационным тоннелям, пригнув головы под низкими сводами. На них были грязные лохмотья, поверх одежды — резиновые плащи, лица скрывали самодельные маски и капюшоны. Они передвигались быстро и уверенно, словно знали подземелье лучше, чем собственные комнаты.

Один из них поднялся по лестнице и осторожно приоткрыл крышку люка. В узкую щель он увидел, как по улице промчалась Жень, а за ней влетели трое вооружённых преследователей.

Человек в лохмотьях тихо произнёс что-то в маленький передатчик. Второй наблюдатель закрыл люк и исчез в темноте.

Жень свернула в очередную подворотню и остановилась. Перед ней стояла стая собак. Их было семеро. Грязные, худые, с клочьями шерсти и острыми рёбрами. Вожак, огромный серый пёс с рваным ухом, оскалился. Остальные зарычали, окружая девочку.

Жень попятилась. Она чувствовала их голод и злость. Собаки были готовы броситься.

- Не трогайте меня.

Рык стал громче.

- Я не враг.

Серая собака шагнула вперёд. Её передняя лапа была опухшей, а в боку торчал осколок пластика.

- Ты слышишь нас? — спросила собака.

- Да.

Остальные зашевелились. В их мыслях перемешались недоверие, голод и удивление.

- Она понимает.

- Человек понимает.
- Наконец-то кто-то понимает.

За спиной Жень послышались шаги. Вожак повернул морду к проходу.

- Мы рады, что ты слышишь. Беги за нами.
- Я не могу. Они догонят.
- Тогда мы задержим их.

Стая рванула навстречу наёмникам.

Первый боец успел поднять оружие, но собака вцепилась ему в предплечье. Второй получил удар в колено и рухнул, а на него набросились сразу два пса. Третий попытался отступить, однако серый вожак прыгнул ему на грудь и сорвал респиратор.

В переулке раздались крики. Наёмники били собак прикладами и ногами, но стая не отступала. Животные кусали руки, рвали ремни, цеплялись зубами за защитные костюмы. Они не могли победить вооружённых людей, но могли дать девочке несколько секунд.

Жень оглянулась. И в этот момент из открытого канализационного люка кто-то схватил её за ноги. Девочка не успе-

ла закричать. Её рывком потянули вниз. Она ударилась локтем о край люка, провалилась в темноту и оказалась в чьих-то сильных руках.

Крышка захлопнулась почти сразу. Над головой гремели выстрелы, лаяли собаки и кричали наёмники.

Незнакомец прижал ладонь в перчатке к её рту и понёс по тоннелю. Жень забилась, пытаясь вырваться, но человек силён.

Под ногами мелькали лужи. В воде шевелились длинные белёсые личинки. Вдоль стен разбегались крысы, прижимая уши. В щелях прятались тараканы, слизи и слепые твари, никогда не видевшие солнца.

- Чужаки. Страх. – Раздалось со всех сторон.

Жень закрыла глаза и потянулась к ним.

- Помогите мне.

Ответом стал шорох сотен лап.

Похититель свернул в боковой тоннель. Впереди показался тусклый свет. Там ждали ещё четверо людей в таких же

грязных лохмотьях.

Они не произнесли ни слова. Один достал плоский прибор с мерцающей синей полосой и поднёс его к лицу Жень. Второй направил похожее устройство на её грудь. Третий удерживал девочку за плечи.

— Пульс повышен, — сказал кто-то по-китайски.

— Аномальный фон подтверждается.

Жень дёрнулась. Человек, державший её, убрал ладонь с её рта. Девочка тут же закричала. Крик ударил о стены тоннеля и разлетелся по трубам. Вместе с ним из её сознания ушёл беззвучный зов.

- Помогите. Все. Сюда.

Крысы высыпали из боковых отверстий. Из трещин поползли тараканы, слизи и мелкие чёрные жуки. Они стягивались к людям со всех направлений, заполняя тоннель шелевающей массой.

Один из похитителей выругался и попятился.

— Держите её!

— Быстрее!

К лицу Жень прижали прозрачную маску. Внутри заши-
пел газ с резким сладковатым запахом. Девочка успела уви-
деть, как крысы бросились к ногам людей, а потом веки ста-
ли тяжёлыми.

Она звала живых изо всех сил, но её голос слабел.

- Не уходите...

- Мы здесь, — ответили крысы.

Потом тьма сомкнулась.

Насекомые и слизи постепенно начали расходиться. Они
возвращались в свои норы, трубы и щели, спасаясь от людей.

Один из похитителей снял капюшон и респиратор. Под
ними оказалось молодое китайское лицо с ровной кожей,
внимательными глазами и тёмной чёлкой, выбившейся на
лоб. Девушка облегчённо выдохнула, поправила волосы и
посмотрела на спящую Жень.

— Охренеть можно, да?

Её безупречный русский прозвучал неожиданно громко в
гулком тоннеле. Мужчина, который держал Жень, медленно

снял свободной рукой респиратор. Ему было около пятидесяти. Из-под капюшона выбилась густая борода с проблесками седины. Лицо казалось усталым, но спокойным.

— Джу, следи за своим языком, — произнёс он низким голосом.

— Что? Можно мне хотя бы дома немного оторваться?

Мужчина строго посмотрел на неё. В его взгляде, однако, не было настоящего гнева.

Джу закатила глаза и раздражённо цыкнула:

— Проклятье, как я устала... - фыркнула Джу по-китайски.

— Не начинай, — ответил мужчина тоже по-китайски.

— Вообще-то я ничего не начала, - девушка снова перешла на русский.

— Ты начала ещё до того, как мы вышли из убежища.

Джу снова громко цыкнула, на этот раз демонстративно.

— Она очень лёгкая, — тихо сказал мужчина. — Слишком лёгкая для ребёнка пяти лет.

— В этом городе дети редко бывают сытыми, - ответила Джу.

Мужчина посмотрел на Женю. Даже без приборов он чувствовал, что это необычный ребенок. Похититель перевёл взгляд на стены канализации. Крысы не спешили уходить. Они прятались в отверстиях и продолжали наблюдать.

— Она слышит их, — сказал он.

Джу перестала улыбаться и повернулась.

— Нас тоже?

— Возможно.

— Тогда она уже знает, кто мы.

— Она знает только, что мы не такие, как те, кто гнался за ней.

Мужчина снова взял прибор и провёл им над виском девочки. Синяя полоска вспыхнула, затем погасла.

— Ошибки нет. Мы нашли её раньше.

В тысячах километрах оттуда, на аналитическом этаже башни Вейл-Корп, огромный экран разделился на десятки окон. Разные города. Разные биопрофили. Цифры. Данные.

В душном помещении, заставленном мониторами и пуль-

сирующими сервисными блоками, от компьютера к компьютеру сновали десятки встревоженных людей.

В центральном окне аналитик вывел два изображения.

На первом была запись из Нью-Йорка: мальчик, прикасающийся к мёртвой птице. На втором — Пекин, мутное изображение маленькой девочки у старого баньяна.

— Сигнал подтверждён, — доложила женщина за консолью. — Между первым и вторым пробуждением прошло шесть часов сорок две минуты. Энергетический спектр совпадает на девяносто семь целых восемь десятых процента.

— Это не единичные случаи, — произнёс другой аналитик. — Они происходят одновременно.

— Не одновременно, а волнами, — возразил его коллега. — Нью-Йорк стал первым зарегистрированным всплеском. Потом Пекин. Но ретроспективная проверка показывает слабые следы ещё в четырёх регионах.

— Сколько детей?

— Пока подтверждено двое.

Двери гулко распахнулись.

Люциус Вейл вошёл без трости. Его лицо было перекошено от ярости. За ним следовал Эдвард, сохранявший внеш-

нее спокойствие, хотя пальцы его правой руки нервно сжимались.

— Двое за одну ночь, — процедил Люциус. — Вы называете это работой?

Никто не ответил.

Старик подошёл к главному экрану и ткнул пальцем в изображение Жень.

— Сначала Нью-Йорк. Теперь Пекин. Завтра где? В нашем доме? В наших семьях? На наших объектах?

— Группа в Пекине уже развернута, — сказал Эдвард.

— Развернута? Она сбежала у вас из-под носа! У вас были камеры, дроны, биодатчики и шесть минут преимущества. И что я вижу? Рваные костюмы, окровавленных сотрудников и пустой двор.

Эдвард молча выдержал взгляд деда. Люциус резко повернулся к нему.

— Вытащи руки из штанов и наконец начни работать, Эдвард. Работать на опережение. Не ждать сигналов. Не бегать за детьми по переулкам. Найти всех. В каждом городе, в каждой деревне.

В кабинете стало тихо.

— Мы можем усилить сеть сканирования, — осторожно произнес аналитик.

— Усилить? — Люциус ударил ладонью по столу. — Вы до сих пор думаете, что проблема в мощности оборудования. Проблема в том, что мы всё время опаздываем. Они просыпаются раньше, чем мы успеваем понять, где искать.

Эдвард опустил взгляд на карту.

— Я возьму операцию под личный контроль, — сказал он.

Люциус усмехнулся. Эдвард развернулся и вышел.

Лифт опустил его на несколько этажей ниже, в закрытый центр мониторинга. Двери разошлись, и перед ним открылся огромный зал без окон. Сотни экранов покрывали стены. На них сменялись лица, карты, медицинские графики, записи с уличных камер и тепловые контуры людей.

Сотни сотрудников сидели за консолями. Одни анализировали биосигналы, другие просматривали архивы родильных отделений, третьи сопоставляли данные о детских заболеваниях и всплесках неизвестной энергии. В воздухе стоял

сухой запах перегретой электроники и дешёвого кофе.

Эдвард вышел в центр зала.

Никто не заметил его. Все продолжали работать, пока начальник смены не увидел Эдварда и не поднялся со своего места.

— Господин Вейл...

— Если через час у меня не будет полного списка потенциальных целей, — громко сказал Эдвард, — я выброшу вас всех на улицу. Будете дышать грязью без фильтров.

В зале воцарилась мёртвая тишина.

— Мне нужны результаты, а не объяснения. Найдите закономерность. Возраст. География. Генетические маркеры. Любую связь. Если ребёнок хоть раз попал в объектив камеры, он должен появиться у нас на экране раньше, чем успеет сделать второй шаг.

— Но часть систем в трущобах работает с перебоями, — начал начальник смены.

— Тогда почините системы.

— Пекинская группа потеряла визуальный контакт. Мы пытаемся восстановить маршрут...

— Не пытайтесь. Восстановите.

Эдвард оглядел зал.

— И найдите тех, кто помог девочке.

После его ухода работа вспыхнула с новой силой. Пальцы забегали по клавиатурам. На экранах открывались дополнительные архивы. Операторы запрашивали спутниковые снимки, поднимали записи канализационных датчиков, вскрывали закрытые базы данных.

Под Пекином группа Джу двигалась по старым канализационным трубам. Их путь пролегал всё глубже, туда, где городская сеть давно перестала числиться на картах. На стенах проступали иероглифы, нанесённые краской поверх бетона. За некоторыми поворотами виднелись следы костров и самодельные лежанки.

Джу несла Жень, завернув её в серое одеяло. Девочка спала, но её пальцы время от времени шевелились, будто она продолжала искать кого-то в темноте.

— Она зовёт животных даже во сне, — сказала Джу.

— Пусть зовёт, двигаемся быстрее, - бросил мужчина с бородой и продолжил шепотом. - Тебе, Богу и Творцу моему, в Троице Святей славимому Отцу и Сыну и Святому Ду-

ху, поклоняюся и вручаю душу и тело мое, и молюся: Ты мя благослови, Ты мя помилуй, и от всякаго мирскаго, диавольскаго и телеснаго зла избави...

Глава 4

Посёлок Кедровый умирал давно и привычно. Как старик, который каждое утро просыпается удивлённым — неужели ещё жив? Три десятка почерневших бараков, химический завод с дымящими трубами и единственный магазин, где продавали синтетическую крупу и дешёвый спирт. Тайга обступала посёлок со всех сторон, как море обступает тонущий корабль. Она была терпеливой. Она ждала.

Зима в этом году пришла рано и жёстко. Мороз вгрызлся в стены бараков, выдавливал последнее тепло из щелей, покрывал окна толстой коркой инея. Дышать на улице можно было только через тряпку — воздух обжигал лёгкие и пах химией с завода. Но дети всё равно выходили. Им было куда деться.

Тимофей шёл по улице, засунув руки в карманы материнской куртки, которая была ему велика на три размера. Рукава свисали до колен. Из-под вязаной шапки торчали светлые, давно не стриженные волосы. Ему было семь лет, но выглядел он на пять — худой, бледный, с тёмными кругами под глазами, какие бывают у детей, которые плохо спят и мало едят.

Он возвращался из школьного барака. Школой это называлось по привычке. Одна комната, одна учительница на все классы, парты из прессованных отходов. Половина детей не приходила вовсе. Те, кто приходил, делали это ради тёплой батареи и миски жидкой каши на обед.

Тимофей учиться любил. Не за кашу. Ему нравились буквы. Нравилось, как из них складываются слова, а из слов — целые миры. Учительница, Нина Павловна, сухая женщина с потухшим взглядом, однажды дала ему потрёпанную книгу без обложки. Там были сказки. Он прочитал её четырнадцать раз.

Посёлок встретил его привычным набором звуков: лязг завода, хриплый лай собак, чей-то пьяный крик за стеной. Тимофей не вздрагивал. Он давно привык. Но одно он так и не научился терпеть — не сам крик, а то, что стояло за ним. Боль. Злость. Пустота. Он чувствовал их так отчётливо, словно кто-то вливал ему в грудь чужой яд через невидимую воронку.

Он не понимал, почему. Просто знал: когда мать возвращалась с завода и молча садилась у окна, глядя в темноту, — у него ныло под рёбрами. Когда сосед Гришка бил жену, — Тимофею хотелось кричать, хотя он стоял за стеной. Когда учительница Нина Павловна раздавала тетради и её пальцы

дрожали, — мальчик точно знал: она плакала утром. Долго. В подушку. Чтобы никто не слышал.

Он чувствовал людей. Всех. Всегда. Без спроса и без права отказаться.

У третьего барака Тимофей остановился. На крыльце сидел Гришка. Грузный мужик с красным лицом и мутными глазами. Бутылка спирта стояла между ботинками. Из-за двери доносился тихий женский плач. Гришка встал, покачнулся и швырнул бутылку в стену. Стекло разлетелось с жалким звоном. Мужик заорал — страшно, надсадно, как раненый зверь. Он не кричал на кого-то конкретного. Он кричал на всё. На мороз, на завод, на небо, которое забыло про этот проклятый посёлок.

Тимофей стоял в трёх метрах. Он должен был пройти мимо. Так делали все. В Кедровом каждый знал: не лезь. Чужая беда — чужое дело. Свою бы переварить.

Но мальчик не пошёл мимо.

Он чувствовал Гришку. Не злость — она была только сверху, как корка на ране. Под ней было другое. Тяжёлое. Чёрное. Горе, слежавшееся в камень. Гришка потерял дочь три года назад. Девочка умерла от воспаления лёгких, пото-

му что в посёлке не было ни врача, ни лекарств. Ей было четыре года. Её звали Настя. Тимофей знал это, хотя никто ему не рассказывал. Он просто чувствовал имя, будто оно было выжжено у Гришки на сердце.

Мальчик подошёл ближе. Гришка увидел его и зарычал:

— Пошёл отсюда, щенок! Чего вылупился?!

Тимофей не ответил. Он протянул руку и положил ладонь на огромный кулак мужика.

И тогда всё замерло.

Внутри Тимофея щёлкнул рубильник — не в голове, а глубже, в самом центре, там, где обычные люди ничего не чувствуют, потому что давно забыли, что там есть. Из груди хлынуло тепло — густое, ослепительное, живое. Оно потекло по руке, через ладонь, через кожу — прямо в Гришку.

Мужик дёрнулся, как от удара током. Глаза распахнулись. Зрачки расширились до краёв радужки. Рот открылся, но вместо крика из горла вырвался хрип, а потом — всхлип. Колени подогнулись. Гришка рухнул в снег, как подрубленное дерево.

Он стоял на коленях перед семилетним мальчиком и плакал. Не пьяными слезами, не злыми. Это были другие слёзы — чистые, горячие, идущие из такой глубины, куда он сам не заглядывал годами. Он вдруг увидел Настю. Не как воспоминание — как живую. Её смех. Её ладошки в муке, когда они лепили пельмени. Её голос: «Папа, смотри, бабочка!» Он почувствовал любовь — ту самую, настоящую, огромную, от которой невозможно дышать. Она была внутри него все эти годы. Заваленная водкой, злостью, виной. Но она была жива. Тимофей просто открыл дверь.

— Настенька... доченька моя... прости меня, прости... — бормотал Гришка, обхватив ботинок мальчика обеими руками и прижимаясь к нему лбом. Слёзы капали на снег, оставляя тёмные точки.

Длилось это две минуты. Может, три. Потом свет внутри Тимофея мигнул и погас, как лампочка в перегруженной сети. Мальчик убрал руку.

Гришка медленно поднял голову. Лицо было мокрым, растерянным, почти детским. Он посмотрел на свои руки. Потом на мальчика. Потом на дверь, за которой тихо плакала жена. Он встал, утёр лицо рукавом и молча пошёл в дом. Дверь за ним закрылась тихо. Впервые за три года — тихо.

А Тимофей стоял на морозе и дрожал. Зубы стучали так, что он прикусил язык. Руки побелели. Губы стали синими. Ему казалось, что кто-то вычерпал из него всё тепло до последней капли. Мороз, который минуту назад был просто неприятным, теперь впился в кости, как голодный зверь.

Мальчик побрёл домой. Каждый шаг давался с трудом. Ноги не слушались. В глазах плыли чёрные точки. Он добрался до барака, ввалился в комнату и упал на кровать, натянув на себя все одеяла, какие нашёл. Под тремя слоями ткани он продолжал трястись ещё полчаса.

— Почему мне так холодно, когда я делаю хорошо? — прошептал он в темноту. Темнота не ответила.

Мать пришла поздно. Анна — худая, рано постаревшая женщина с сухим кашлем, который не проходил уже второй год. Она работала на сортировке химических отходов. Двенадцать часов в сутки. Шесть дней в неделю. За это ей давали талоны на еду, фильтры для воды и право жить в бараке. Свобода, обёрнутая в целлофан рабства.

Анна увидела сына и привычно приложила ладонь к его лбу. Холодный. Слишком холодный.

— Тимоша, ты опять?..

Она не заканчивала вопрос. Она знала. Не знала — чувствовала, как чувствует любая мать, даже если не может объяснить. Сын что-то делал с людьми. После этого ему становилось плохо. Она заваривала ему кипяток с сахаром, укутывала, ложилась рядом и грела своим телом. Этого было мало, но больше у неё ничего не было.

— Мам, — тихо позвал Тимофей. — А бывает так, что человек горит, чтобы другим стало светло? И потом гаснет?

Анна сжала губы. Глаза защипало.

— Бывает, сынок. Это называется лампада. Она горит в храме перед иконой. Горит, пока в ней есть масло.

— А если масло кончится?

— Тогда кто-то должен подлить.

Тимофей задумался. Потом прижался к матери и закрыл глаза. Ему снилось огромное тёплое поле, залитое солнцем. В поле стояли люди — много, сотни, тысячи. Все они улыбались. Все были счастливы. А он стоял в центре и держал в руках маленький огонёк. Огонёк слабел. Но люди вокруг светились.

Сигнал дошёл до башни Вейл-Корп через семнадцать минут после того, как Гришка упал на колени. Единственный датчик, установленный на магазине в Кедровом, впервые сработал. Аналитик третьей смены, молодая женщина с впалыми щеками и нервным тиком в левом глазу, первой увидела всплеск на мониторе. Она дважды проверила данные, прежде чем поднять тревогу. Координаты указывали на Западную Сибирь. Посёлок Кедровый. Население — триста двенадцать человек. Никакой инфраструктуры, кроме химического завода и бараков. Энергетический спектр аномалии совпадал с предыдущими на девяносто четыре целых шесть десятых процента.

Третье пробуждение за трое суток.

Эдвард Вейл получил доклад в своём личном кабинете — помещении без окон, обставленном с холодной функциональностью. Ни картин, ни фотографий. Только экраны, белые стены и кресло из углеродного волокна. Он прочитал данные, поставил стакан с водой на стол и долго смотрел на карту.

Нью-Йорк. Пекин. Теперь Сибирь. Три точки на трёх континентах. Никакой географической логики. Никакой генетической связи между семьями. Как будто кто-то разбросал искры по планете с закрытыми глазами.

Эдвард нажал кнопку связи.

— Подготовить тактическую группу. Переброска в Западную Сибирь. Вылет через два часа.

— Господин Вейл, — осторожно произнёс голос на том конце, — в регионе нет нашей инфраструктуры. Ближайшая база — Новосибирск, это четыреста километров от цели. Условия экстремальные. Минус сорок два. Нужна арктическая экипировка, транспорт повышенной проходимости...

— Я сказал — два часа.

— Слушаюсь.

Эдвард откинулся в кресле. Впервые за эти дни на его лице появилось что-то, отдалённо похожее на азарт. Дед был прав. Старик, которого он считал выжившим из ума фанатиком, оказался прав. Они просыпаются. И если трое за трое суток — значит, будут ещё. Значит, счёт идёт на часы.

Он поднялся и вышел в коридор. У лифта его ждал Люциус. Старик стоял, опираясь на трость, и смотрел на внука с выражением, в котором смешались торжество и тоска.

— Сибирь, — сказал Эдвард. — Мальчик. Семь лет.

— Я знаю, — ответил Люциус. — Что ты намерен делать?

— Лично контролировать операцию. Удалённо. Группа

вылетает через два часа.

Люциус молчал. Потом сухо кивнул.

— Не повтори пекинскую ошибку. Этих местных, кем бы они ни были, — нейтрализовать. Всех, кто окажется рядом с ребёнком. Ни одного свидетеля.

— Это посёлок из трёхсот человек, дед. Триста нищих рабочих в тайге. Тебя серьёзно беспокоят свидетели?

— Меня беспокоят те, кто перехватил девочку в Пекине. Они работают быстро. Значит, у них есть сеть. И в Сибири она тоже может быть.

Эдвард усмехнулся.

— В Сибири нет ничего, кроме снега и водки.

Люциус посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Твой отец сказал почти то же самое. За час до того, как его убили.

Эдвард стиснул зубы, развернулся и вошёл в лифт. Двери сомкнулись. Люциус остался стоять в пустом коридоре. Его пальцы на набалдашнике трости слегка дрожали. Взгляд на мгновение стал не жёстким, а пустым — взгляд человека, который слишком многих пережил.

Азорские острова встретили отца Даниила и Лиам промозглым ветром и запахом рыбы. Перевалочная база Спасителей располагалась в старом каменном доме на окраине деревни. Снаружи — обычное рыбацкое хозяйство: сети, лодки, ржавая лебёдка. Внутри — зашифрованные линии связи и карта мира на стене, утыканная булавками.

Их встретил связной — невысокий, жилистый португалец лет шестидесяти, представившийся Мигелем. Он говорил мало, двигался быстро и на Лиам посмотрел так, будто увидел нечто одновременно прекрасное и опасное.

— Корабль? — спросил Мигель.

— На дне, — ответил Даниил. — Экипаж — весь. Они атаковали через полтора часа после отплытия. Ракетами. Никакого предупреждения.

Мигель перекрестился и провёл их в дом. Лиам молча шёл следом. За двое суток в шлюпке он почти не разговаривал. Ел мало. Смотрел на воду и иногда шевелил пальцами, будто пытался что-то нащупать в воздухе.

— Он в порядке? — тихо спросил Мигель, кивнув на мальчика.

— Он потерял отца. Он видел, как людей убивают. Он шестилетний ребёнок, который оживил мёртвую птицу и метнул стальной ключ силой мысли. Нет, Мигель. Он не в порядке. Но он жив.

Связной кивнул и включил передатчик. Несколько минут ушло на установку защищённого канала. Потом из динамика послышался знакомый голос — тихий, размеренный, с едва уловимой хрипотцой.

— Ваня, — произнёс отец Серафим.

Даниил прикрыл глаза. Он давно не слышал этого голоса. Даже через помехи и тысячи километров он узнал бы его из миллиона.

— Отче, мы на Азорах. Мальчик со мной. Корабль уничтожен.

— Знаю. Мы перехватили их переговоры. Вас искали ещё в порту. Ты ушёл чисто.

— Не чисто. Мне пришлось стрелять.

Пауза. Потом — тихий вздох.

— Господь видит твоё сердце, Ваня. Мы поговорим об этом, когда вернёшься. Сейчас — слушай.

Серафим заговорил быстрее. Его голос стал жёстче.

— Пекин. Девочка, пять лет. Способность — связь с живыми существами. Наша группа забрала её. Она сейчас на безопасной точке. Джу и Михаил ведут её на юг, к порту.

— Михаил? — Даниил приподнял бровь. — Он ушёл в Китай?

— Два года назад. Работает под легендой торговца электроникой. Прикрытие держится, но надолго не хватит.

— Понял. Что ещё?

— Четыре часа назад — третье пробуждение. Сибирь. Посёлок Кедровый. Мальчик, семь лет. Тактильный эмпат — прикосновением открывает в человеке подавленные чувства. Наши сканеры зафиксировали всплеск одновременно с их системой. Мы опаздываем, Ваня. Ячейки в Сибири слабые. Ближайший человек — в двухстах километрах от посёлка.

Даниил стиснул кулак.

— А Вейлы?

— Тактическая группа уже в воздухе. Два вертолёта с новосибирской базы. У них три часа форы.

— Три часа, — повторил Даниил. — Отче, наши люди не успеют.

— Не успеют, — согласился Серафим. Его голос не дрогнул. — Но в посёлке есть человек. Не наш. Бывший военный, охотник. Живёт в тайге один уже девять лет. Он видел

мальчика. Он знает, что тот необычный.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что Господь не оставляет своих детей без присмотра, Ваня. Даже когда мы опаздываем — Он приходит вовремя. Связная в Новосибирске отправила ему сигнал. Остальное зависит от того, услышит ли он.

Даниил помолчал. В соседней комнате Лиам сидел у окна, закутанный в плед. Его взгляд был направлен куда-то за горизонт.

— Отче, Лиам что-то чувствует. Он почти не говорит, но я вижу — он тянется к кому-то. Как будто ищет.

— Он и ищет. Они все связаны, Ваня. Мы ещё не понимаем как, но каждое новое пробуждение усиливает остальных. Они чувствуют друг друга. Как деревья в лесу, соединённые корнями под землёй.

— Сколько их будет?

— Шесть.

Цифра повисла в воздухе, как гудение колокола.

— Шесть, — повторил Даниил.

— Пророчества говорят о шести. Шесть искр, шесть граней. Пока подтверждены три. Но будут ещё. Ваня, ты должен привезти мальчика в монастырь. Это сейчас единственное безопасное место на земле. Начинай двигаться. Маршрут через Лиссабон и Стамбул, дальше — наши проведут.

— Понял, отче.

— И Ваня...

— Да?

— Береги себя. Ты мне нужен живым. Всем нам нужен.

Связь оборвалась. Даниил долго сидел неподвижно, сжимая в руке деревянные чётки. Потом встал, подошёл к Лиаму и присел рядом.

— Лиам, — тихо позвал он.

Мальчик повернул голову. Глаза были усталыми, но в них горело что-то — не страх, не боль. Упрямый, ровный свет.

— Я их слышу, — сказал Лиам. — Не слова. Просто... они есть. Где-то далеко. Один из них очень замёрз.

Даниил положил руку на плечо мальчика.

— Мы поможем ему. Но сначала нам нужно добраться до дома.

— Где дом?

— Далеко. В лесу. Там, где нас ждут друзья.

Лиам кивнул. Потом тихо спросил:

— А те люди? Которые убили папу и стреляли в нас на корабле. Они найдут нас снова?

Даниил не стал лгать.

— Да. Они будут искать. Они не остановятся.

— Тогда почему мы не прячемся?

— Потому что прятаться — значит бояться. А бояться — значит проиграть ещё до начала. Мы не прячемся, Лиам. Мы движемся.

Мальчик посмотрел на священника долгим, взрослым взглядом. Потом едва заметно улыбнулся.

— Как птица, — сказал он.

— Что?

— Птица, которую я оживил. Она не спряталась. Она полетела.

Даниил почувствовал, как что-то тёплое сжалось в груди. Он кивнул.

— Именно так. Она полетела.

В Сибири наступала ночь. Температура упала до минус сорока пяти. Воздух стал стеклянным. Тайга трещала и стояла, как живое существо, скованное льдом.

Егерь Степан Кузьмич Дроздов сидел в своей заимке и чистил ружьё. Ему было пятьдесят шесть лет, из них девять он провёл один в тайге. Бывший сапёр. Две войны. Три ранения. Одна жена, которая ушла, когда он перестал спать по ночам и начал разговаривать со стенами. Один сын, которого он не видел двенадцать лет.

Степан не верил ни в Бога, ни в чёрта, ни в корпорации, ни в правительства. Он верил в тайгу, в ружьё и в то, что человек должен уметь выживать сам. Он ушёл в лес не от горя — от отвращения. Мир снаружи казался ему помойкой, где люди копошились, как черви, жрали друг друга и называли это прогрессом.

Но мальчишку он заметил давно. Тимофей приходил на опушку. Сначала Степан думал — заблудился. Потом увидел, что парень приходит намеренно. Садится на поваленное дерево и просто сидит. Иногда час, иногда два. Не плачет, не играет. Просто смотрит на лес, как будто слушает что-то, чего другие не слышат.

Чистя ружьё при свете керосинки, Степан услышал сиг-

нал. Старая рация, которую он держал для экстренной связи с ближайшим посёлком, вдруг захрипела. Он не пользовался ей месяцами. Частота была чужой — не посёлковой, не военной. Короткое сообщение, трижды повторённое женским голосом:

— Полынь. Полынь. Заря. Кедр.

Степан замер. Он знал этот код. Не потому, что был частью какой-то сети. Потому что двенадцать лет назад, когда он ещё служил, один человек — армейский священник, странный бородатый мужик, который не вписывался ни в один устав, — сказал ему: «Если однажды услышишь эти слова — значит, пора вставать. Значит, нужна твоя помощь. Рядом будет ребёнок. Спаси его».

Степан тогда покрутил пальцем у виска. Батюшка улыбнулся и ушёл. Больше они не виделись.

- Полынь. Полынь. Заря. Кедр.

Степан медленно отложил тряпку. Посмотрел на ружьё. Посмотрел на дверь. За дверью выла выюга.

— Вот же сукин ты сын, — пробормотал он, обращаясь неизвестно к кому.

Он оделся. Натянул валенки, тулуп, взял ружьё, патронташ, нож, верёвку и фонарь. Вышел в ледяную темноту.

До посёлка было семь километров по тайге. В такой мороз — два часа ходу. Если не сбиться с тропы, если не провалиться в овраг, если не встретить волков. Степан шёл. Он шёл как ходят люди, которые приняли решение и больше не тратят силы на сомнения.

Тимофей проснулся от звука.

Не крика, не хлопка — от низкого, тяжёлого гула, который шёл откуда-то сверху. Он прижался к окну и сквозь слой инея увидел два чёрных силуэта в небе. Вертолёты. Они шли низко, почти цепляя макушки деревьев. Прожекторы резали темноту белыми клинками.

Мать спала. Тимофей тронул её за плечо. Анна открыла глаза, увидела лицо сына и мгновенно проснулась — так просыпаются люди, привыкшие к беде.

— Мам, там вертолёты.

Анна поднялась к окну. Проектора уже обшаривали улицу. В их свете метался снег.

— Может, с завода... — начала она и осеклась.

Из вертолётов посыпались люди. Чёрные фигуры в теплых тактических костюмах. Они рассредотачивались по посёлку с хирургической слаженностью. Лучи фонарей метались по стенам бараков. Где-то залаяла собака — коротко, испуганно — и тут же замолкла.

Анна схватила сына за руку. Её лицо побелело, но голос остался ровным.

— Тимоша, одевайся. Быстро. Всё надевай. Куртку, шапку, варежки. Быстро.

— Мам, кто это?

— Одевайся!

Она натянула на него всё, что нашла. Двое штанов, свитер, куртку, шарф. Свои варежки — его давно потерялись. Потом открыла заднюю дверь барака, ту, что выходила к лесу.

— Беги.

— Мам, а ты?

Анна опустила на колени перед сыном. Её глаза блестели, но она не плакала. Она обняла его — крепко, отчаянно, как обнимают в последний раз.

— Я задержу их.

— Нет! — Тимофей вцепился в неё. — Нет, мам, нет!

Анна осторожно расцепила его пальцы. Поцеловала каждый. Потом посмотрела ему в глаза.

— Ты особенный, Тимоша. Я всегда это знала. С самого первого дня. Ты пришёл в этот мир не просто так. Ты пришёл его согреть. Не дай им потушить тебя. Беги. Живи. Гори.

Она вытолкнула его в темноту и закрыла дверь. Тимофей бежал.

Снег доходил ему до колен. Мороз резал лицо. За спиной вспыхнули прожектора, послышались крики. Кто-то выбил дверь барака. Тимофей не оглянулся. Он бежал к лесу — к единственному месту, которое всегда было ему другом.

Тайга приняла его в свои объятия. Темнота сомкнулась. Звуки посёлка стихли, заглушённые плотной стеной деревьев. Мальчик продирался сквозь сугробы, спотыкался о скрытые корни, падал и поднимался. Варежки матери про-

мокли, пальцы немели.

Он добрался до поваленной сосны — той самой, куда приходил слушать тишину. Упал за неё, прижался к стволу и замер. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на километр.

Тишина.

Потом — хруст снега.

Тимофей перестал дышать. Из темноты между деревьями появился силуэт. Большой. Тёмный. Мальчик сжался в комок.

— Не бойся, малой. Это Степан.

Голос был низкий, хриплый, как скрежет старого дерева. Из-за ёлки вышел человек в тулупе, с ружьём за спиной. Борода заиндевела. Глаза смотрели из-под лохматых бровей — цепко, но без злости.

Тимофей узнал его. Он видел этого человека на опушке, издалека. Чувствовал его — тяжёлого, закрытого, как заколоченный дом. Но под досками — что-то живое. Тёплое. Спрятанное.

— Дядя Степан?

— Он самый. Вставай. Уходим.

— Куда?

— Подальше отсюда.

- В мама?

- Пошли говорю.

Степан нагнулся, подхватил мальчика одной рукой и посадил себе на плечо, как мешок с картошкой. Тимофей пискнул от неожиданности, но не сопротивлялся. От егеря пахло дымом, хвоей и собачьей шерстью. Его руки были грубыми, но держали крепко и бережно — так держат что-то хрупкое люди, привыкшие к тяжёлому.

Степан двинулся в чащу. Он шёл не по тропе — тропы заметёт через минуту, и по ней же пойдут те, в чёрном. Он шёл по одному ему известным ориентирам: сломанная берёза, раздвоенный камень под снегом, русло замёрзшего ручья. Тайга была его домом, а в собственном доме человек не заблудится даже с закрытыми глазами.

Мальчик молчал. Он обхватил шею егеря тонкими руками и прижался щекой к жёсткому воротнику тулупа. Мороз кусал открытые участки кожи, но от Степана шло ровное, животное тепло — как от печки, которую давно не топили, но угли ещё тлеют.

За спиной, в стороне посёлка, раздался одиночный выстрел. Потом второй. Тимофей вздрогнул всем телом.

— Мама, — прошептал он.

Степан не остановился. Не обернулся. Только крепче прижал мальчика к плечу и прибавил шаг. Он знал этот звук. Он слышал его сотни раз. На двух войнах, в десятках операций. Звук, который не оставляет надежды.

— Дядя Степан...

— Молчи, малой. Дыши. Просто дыши.

Тимофей замолчал. Он не заплакал. Слёзы замёрзли где-то внутри, не дойдя до глаз. Вместо них пришёл холод — тот самый, знакомый, страшный. Не мороз снаружи, а мороз изнутри. Как будто сердце покрылось тонкой коркой льда.

Он знал. Он почувствовал, как оборвалась нить. Тонкая, тёплая нить, которая всю его жизнь тянулась от его груди к её груди. Мама. Её больше нет. Тот, кто подливал масло в его лампаду, ушёл.

Мальчик закрыл глаза и вцепился в Степана.

Они шли два часа. Степан нёс мальчика на себе, иногда перекладывая с плеча на плечо. Тимофей был лёгким — слишком лёгким, — но мороз вытягивал силы, а снег становился всё глубже. Егерь не жаловался. Он дышал ровно и размеренно, как машина, рассчитанная на долгий ход.

Один раз он остановился. Прислушался. Тайга молчала — но не обычной, живой тишиной. Это была настороженная тишина. Звери ушли. Птицы не шевелились. Лес чувствовал чужаков.

— Идут, — сказал Степан себе под нос.

Он свернул в овраг, прошёл по руслу ручья, где следы скрывал лёд, и полез вверх по склону, хватаясь за стволы. Мальчик на его спине молчал, только дрожал — мелко, непрерывно, как загнанный зверёк.

Наконец впереди показался бревенчатый домик, почти вросший в лес. Крыша под шапкой снега, из трубы — тонкая струйка дыма. Степан пнул дверь и ввалился внутрь.

Тепло ударило в лицо. В печи ещё тлели угли — он подбросил перед уходом, на всякий случай. Степан опустил Тимофея на лавку, стянул с него мокрые варежки и начал рас-

тирать пальцы.

— Больно, — тихо сказал мальчик.

— Должно быть больно. Значит, живые.

Степан снял с гвоздя сухое одеяло и закутал ребёнка. Потом подбросил дров в печь, поставил на огонь чайник. Обычные, простые действия. Действия человека, который знает: в аду нужно сначала согреться, а потом думать.

Тимофей смотрел на пламя. Глаза были сухими и пустыми. Егерь сел напротив и некоторое время просто молчал. Он не умел утешать. Он вообще плохо умел разговаривать с людьми, а с детьми — тем более. Но молчать сейчас было нельзя.

— Мать твою, — начал он и запнулся. Кашлянул в кулак. — Мать твою знала, что делает. Она встала между тобой и ними. Это не слабость. Это самое сильное, на что способен человек.

Тимофей не шевельнулся.

— Она сказала — гори, — произнёс он еле слышно. — Она сказала — не дай им потушить тебя.

Степан долго смотрел на него. Потом тяжело вздохнул, снял с полки жестяную кружку и налил кипятка.

— Пей. Маленькими глотками.

Мальчик послушно взял кружку обеими руками. Вода обожгла губы, но он не отнял кружку. Тепло потекло внутрь, оттаивая что-то замёрзшее в груди.

— Дядя Степан, — сказал Тимофей. — Те люди. Они придут сюда?

Егерь посмотрел на дверь. Потом на ружьё, которое стояло у стены.

— Придут.

— Когда?

— Скоро. У них техника, тепловизоры, собаки. Тайга их задержит, но не остановит.

— Что мы будем делать?

Степан потёр заиндеветшую бороду. Он не привык, чтобы ему задавали такие вопросы. Тем более — семилетние дети.

— Я получил сигнал, — сказал он. — Давно, много лет назад, мне один человек сказал, что однажды я услышу услов-

ную фразу и рядом будет ребёнок. Сегодня я её услышал. Значит, есть люди, которые знают про тебя. Знают и хотят помочь.

— Кто они?

— Не знаю. Но тот человек, который мне это сказал, был... — Степан замялся, подбирая слово, — нормальный. Настоящий. Таких мало.

Тимофей поставил кружку на лавку.

— Я их чувствую, — сказал он.

— Кого?

— Других. Таких, как я. Далеко. Есть ещё. Они только просыпаются. Я чувствую их, как огоньки в темноте.

Степан уставился на мальчика. Потом медленно провёл ладонью по лицу.

— Ну и дела, — пробормотал он.

Рация на столе захрипела. Степан метнулся к ней. Сквозь треск и вой помех пробился голос — мужской, незнакомый, с лёгким акцентом:

— Полынь. Полынь. Заря. Кедр.

Степан схватил рацию.

— Я Кедр... Наверное. Прием. Как вас там?

— У вас объект?

— Да.

— Слушайте координаты. Двадцать два километра на северо-восток от вашей позиции. Озеро Глухое. Южный берег. Через четыре часа там будет вертолёт. Наш. Маркер — зелёный дым. Позывной пилота — Синица. Повторяю...

Голос продиктовал координаты дважды. Степан запомнил с первого раза — старая привычка.

— Принял, — сказал он. — Двадцать два километра по тайге в минус сорок. С ребёнком. За четыре часа. Вы серьёзно?

— Другого варианта нет. Их группа прочёсывает лес от посёлка. Через два часа они выйдут к вам. Нужно уйти раньше.

Степан посмотрел на Тимофея. Мальчик сидел на лавке, закутанный в одеяло, и смотрел на него спокойно. Слишком спокойно для ребёнка, у которого час назад убили мать.

— Дядя Степан, — сказал Тимофей. — Я дойду. Я выдержу.

Егерь усмехнулся. Не весело — горько. Он видел таких на войне. Людей, у которых отняли всё, и они от этого не стали слабее. Они стали чем-то другим. Чем-то, во что он не верил, но что существовало помимо его неверия.

— Ладно, малой, — сказал Степан, поднимаясь. — Тогда собираемся.

Он действовал быстро. Набил старый армейский рюкзак: термос с кипятком, сухари, нож, аптечка, верёвка, три ракетницы, патроны. Для Тимофея нашлись запасные валенки — великоватые, но Степан набил носки тряпками. Поверх одежды он обмотал мальчика куском брезента.

— Похож на капусту, — серьёзно заметил Тимофей.

Степан хмыкнул. Первый звук, похожий на смех, за девять лет одиночества.

Они вышли. Мороз встретил их с жадным рвением. Степан надел лыжи и потянул за собой санки — самодельные, из двух досок и верёвки. Тимофей сидел на них, закутанный до глаз.

Егерь шёл вперёд, прокладывая лыжню. Луна висела над тайгой — огромная, белая, безразличная. В её свете снег сиял голубым, а тени деревьев тянулись по сугробам, как пальцы мертвецов.

Ноги гудели. Спина ныла. Пот замерзал под тулупом. Но он шёл, потому что на санках за его спиной сидел ребёнок, которого нужно было довести. Не потому, что кто-то приказал. Потому что это было правильно. Впервые за девять лет что-то в его жизни было правильным.

На исходе четвёртого часа тайга расступилась. Перед ними лежало озеро Глухое — белое, ровное, как лист бумаги. Тишина стояла абсолютная.

Степан остановился на берегу и посмотрел на часы. Четыре часа двенадцать минут.

— Мы опоздали, — сказал он.

— Нет, — ответил Тимофей. — Послушайте.

Степан прислушался. Сначала — ничего. Потом — далёкий, нарастающий стрекот. Из-за чёрной стены леса на противоположном берегу вынырнул силуэт. Вертолёт шёл без бортовых огней, почти вслепую, ориентируясь по приборам.

Он завис над южным берегом, и из его брюха вниз полетел зелёный дым, окрашивая снег мертвенным, но спасительным светом.

Степан выпустил верёвку санок, вытащил ракетницу и выстрелил в воздух. Красная звезда расцвела над тайгой и медленно поплыла вниз.

Вертолёт пошёл на снижение. Лыжи коснулись наста. Дверь сдвинулась, и наружу выпрыгнул человек в лётной куртке. Молодой, скуластый, с короткой стрижкой и внимательными глазами.

— Синица? — крикнул Степан сквозь рёв лопастей.

— Синица! — подтвердил пилот. — Объект с вами?

Степан кивнул на санки. Пилот подбежал, увидел мальчика, на секунду замер — и что-то изменилось в его лице. Что-то мелькнуло, похожее на благоговение. Он осторожно взял Тимофея на руки и понёс к вертолёту.

Степан стоял на берегу. Ветер от лопастей бил в лицо, сдувая снег.

— Эй! — крикнул пилот из двери. — Вы летите?

Егерь посмотрел на тайгу за спиной. Где-то там чёрные фигуры с тепловизорами прочёсывали его лес. Идут по следам.

Степан снял ружьё с плеча и перезарядил его.

— Нет, — сказал он. — У меня тут дела.

— Они убьют вас! — крикнул пилот.

— Это моя тайга. Пусть попробуют.

Тимофей высунулся из вертолётa. В его глазах стояли слёзы — первые за эту бесконечную ночь.

— Дядя Степан!

Егерь подошёл. Посмотрел на мальчика. Потом протянул свою огромную, грубую ладонь. Тимофей сжал её обеими руками. И Степан почувствовал это. Тепло. Не физическое — другое. Глубокое, ошеломляющее, невозможное. Тепло, от которого перехватило горло. Он вдруг увидел сына. Маленького, трёхлетнего, сидящего на его плечах и хохочущего. Увидел жену, молодую, с мокрыми после дождя волосами. Увидел себя — не искалеченного, не озлобленного, а живого. Того, кем он был, когда ещё умел любить.

Слеза скатилась по обветренной щеке егеря и тут же за-

мёрзла.

— Спасибо, малой, — хрипло сказал он. — А теперь лети. И гори.

Он отпустил руку мальчика, развернулся и зашагал обратно в тайгу. Не оглядываясь. Ружьё за спиной, патронташ на поясе, впереди — двадцать два километра белого безмолвия и враги, которые не знали, на что способен человек, защищающий свой лес.

Тимофей смотрел в иллюминатор, как чёрная фигура егеря становилась всё меньше. Как тайга приняла его обратно.

Вертолёт набрал высоту и лёг на курс. Под ним раскинулось бескрайнее белое море тайги, тронутое первыми бледными нотками рассвета. Тимофей прижался лбом к холодному стеклу.

— Куда мы летим? — спросил он.

— К людям, которые ждут тебя, — ответил пилот.

Мальчик закрыл глаза. Холод внутри отступал — медленно, неохотно, но отступал. Он потерял маму. Он потерял дядю Степана. Но он чувствовал тех, других — далёких, разбросанных по планете, таких же одиноких и испуганных.

И ещё — совсем слабые, едва различимые огоньки. Новые. Они только-только загорались.

В это время в башне Вейл-Корп Эдвард Вейл стоял перед экраном. Его лицо было неподвижным. Кулаки сжаты до белизны. Он не кричал, не ругался. Он молчал. И это молчание было страшнее любого крика.

Рядом, в тени у стены, стоял Люциус. Старик смотрел на экран с выражением, которого внук никогда раньше не видел. Это было не раздражение. Не гнев. Это был страх. Настоящий, звериный страх существа, которое впервые за десятилетия столкнулось с тем, что не может контролировать.

— Трое из трёх, — тихо произнёс Люциус. — Мы потеряли всех троих.

Эдвард повернулся к деду.

— Нет, — сказал он. Его голос был ровным и холодным, как сталь. — Мы не потеряли. Мы знаем, что их шесть. Мы перехватили разговор. Ещё трое впереди. И в этот раз мы придём раньше.

Люциус посмотрел на внука долгим, оценивающим взглядом. В первый раз за этот бесконечный день он увидел в нём

не избалованного наследника — а хищника, который наконец учуял кровь.

— Найди их, — сухо произнес старик. — Найди монастырь. Не останавливайся.

За панорамным окном на сотом этаже вставало тусклое, отравленное солнце. Оно едва пробивалось сквозь маслянистый смог, но всё-таки пробивалось. Где-то над Сибирью маленький вертолёт нёс на восток мальчика. Где-то в подземельях Пекина девочка открывала глаза после тяжёлого сна. Где-то на Азорских островах шестилетний сирота из Нью-Йорка смотрел на рассвет и чувствовал, как далёкие огоньки становятся ярче.

А в горах Болгарии, в тумане над Рильским монастырём, шестилетняя девочка с тёмными глазами проснулась от странного ощущения. Она увидела у своей постели фигуру монаха, который заглянул её проведать. Перед его грудью медленно вращалась бледная золотистая сфера — тёплая, ровная, живая.

Девочка улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.